

В. Кортаев

«Одна — но пламенная страсть»

И было бы ему еще только пятьдесят с небольшим... А нет его с нами уже более двадцати лет. Горько и обидно сознавать это. Особенно когда наблюдаешь цветущих старцев. Не то чтобы живущих исключительно для себя или вообще пребывающих на свете беззвучно и бездеятельно, как, скажем, трава. (Хотя нехорошо обижать траву: она коровушкам нужна и другой животинке — тоже; да и нам без нее было бы неуютно и черно на облыселей непахнущей земле.)

Я говорю о тех долгожителях, которые весь сознательный век только и делали, что досаждали родственникам, трепали нервы соседям, кляузничали и доносили на сослуживцев, а под конец канючили у государства персональную пенсию за доблестные заслуги перед Временем и человечеством...

Николай Рубцов был человеком иного порядка, и сколько бы он мог еще сделать людям добра!

Почти безразличный к житейским благам, он обходился минимумом жилплощади, одежды, еды. Видимо, сказалось детдомовское воспитание военной и послевоенной поры, когда учитывался каждый грамм хлеба, а общежитская скученность еще не разъединяла, а сплавивала. К сожалению, Николай Рубцов слишком долго не имел собственного уединенного угла, где можно бы разложить бумаги и утвердить среди них заправленную чернильницу; поэтому и не поражает малое количество черновиков в его архиве, хотя и добавляет горечи и грусти. Стихи создавались на ходу и большею частью в голове, и на бумагу заносились только готовые варианты. Не случайно поэт обмолвился однажды, что если внезапно умрет, то унесет с собой целую книгу никому не известных стихотворений. Так оно, к запоздалой нашей печали, и получилось: последнюю свою книгу на бумаге записать он не успел.

До сих пор не выплыла на поверхность (да теперь едва ли это и произойдет) прозаическая повесть о флотской службе, которая была написана, но пропала вместе с чемоданом, украденным незадачливым воришкой.

Что можно украсть у Рубцова? Талант умыкнуть невозможно, а именно он составлял главное богатство. Остальные материальные знаки по сравнению с этим сокровищем и по сей день представляются совершенно незначительными, и лишь очень неразборчивый и окончательно падший человек мог на них позариться. Сам же хозяин относился к ним не только безразлично, но даже презрительно.

Вспоминается случай. Как-то знакомый писатель, обзрев скудную обстановку квартирки Николая Михайловича, попенял ему, что-де хозяин недостаточно радиво относится к устройству собственного быта; и пора бы обзавестись платяным шкафом, а не развешивать на гвоздиках по углам рубашки и пиджаки; да и сервант не мешало бы водрузить на положенное место, поскольку чашкам и ложкам не место на подоконниках и письменном столе. Тогда Рубцов смолчал. Но, видимо, обиделся и выговора не забыл, потому что вскоре при удобном случае дал волю своему характеру и выложил до конца:

— Меня не интересуют ваши шкафы и хрустали, — почти кипятился он. — Если они нужны вам, вы и заводите. Только не убеждайте меня, что без этого мир теряет смысл и красоту!

Конечно, жизнь одинокого человека накладывала определенный отпечаток на окружающую обстановку, и порою стороннего наблюдателя посещал вопрос: неужели поэт, эстетически столь тонко организованный, душою болеющий за мировую гармонию, не видел самого элементарного беспорядка, поминутно торчащего перед глазами?

Видел, конечно. Но не обращал серьезного внимания, поскольку это касалось только его лично. Замечал, но не вникал в суть. Не придавал решающего значения. Не расходовал, — вернее, не расплял силы на столь незначительный объект, потому что жил исключительно поэзией и лишь на ней сосредоточивал главное внимание. Воистину о нем сказаны бессмертные слова, что «...знал одной лишь думы власть — одну — но пламенную страсть». И потому от поэта, как от вольной птицы, отскакивала любая житейская грязь.

А жил он действительно как птица. Засыпал там, где заставала ночь. Просыпался от случайного шороха или дуновения ветра; легок был на подъем и неутомим в бесконечных перелетах с места на место. И питался как птица. Бывало, в нередких гостях стол ломится от яств, а он тюкнет зернышко-другое — и в сторону. И берет в руки гармонь или гитару. Словно боится набить зоб втугую, чтоб не стесняло дыхания при пении. Кстати, о птицах писал с большим проникновением и пониманием их судьбы. Достаточно вспомнить знаменитых «Журавлей», «Воробья» или «Ворону». А вот еще потрясающая «Ласточка».

Ласточка носится с криком —
 Выпал птенец из гнезда.
 Дети окрестные мигом
 Все прибежали сюда.
 Взял я осколок металла,
 Вырыл могилку птенцу,
 Ласточка рядом летала,
 Словно не веря концу.
 Долго носилась, рыдая,
 Под мезонином своим... Ласточка!
 Что ж ты, родная,
 Плохо смотрела за ним?

Это стихотворение шестьдесят восьмого года. До собственной трагической гибели оставалось не так уж много: менее трех лет, и он все настойчивее и обреченнее поднимает эту тему, варьирует ее, примеряет к своей судьбе. Он-то знал, в какой цвет окрашен путь отечественной поэзии, начиная с Пушкина, через Есенина и Маяковского и вплоть до Дмитрия Кедрина, так им почитаемого. Ведь истинный художник почти всегда предчувствует беду. Не случайно так часто живописует Николай Рубцов вечернюю и ночную мглу и тревожные ощущения, с ними связанные. Сами за себя говорят одни названия, хотя бы: «Деревенские ночи», «Ночь на перевозе», «Полночное пенье», «На ночлеге», «Ночь на родине», «Бессонница», «Наступление ночи» и т. д. «Ночное ощущение» было написано уже в шестьдесят девятом. Жизни остается еще меньше, и он в открытую признается:

...И горная передо мной
 Вдруг возникает цепь,
 Как сумрачная цепь
 Загадок и вопросов, —
 С тревогою в душе,
 С раздумьем на лице,
 Я чуток, как поэт,
 Бессилен, как философ.

А жить он, конечно, хотел. И наши предупредительные слова и остережения с яростью и негодованием отвергал — резко и громко. Может быть, в этом раскаленном неприятии уже был заложен страх перед неотвратимо надвигающейся катастрофой. Так иногда негодуют на то, что тайная мысль угадана и оглашена...

Не случайно в семидесятом было написано: «Я умру в крещенские морозы, я умру, когда трещат березы...» Угадано день в день. И даже состояние природы предсказано.

Прошло не так уж много времени со дня гибели, а именем Николая Рубцова названа улица в Вологде. Она такая же короткая, как его жизнь. Одним концом упираясь в улицу

Гоголя — любимого писателя Николая Михайловича,— другим она выходит на реку Вологду и белокаменный храм Софии, воспетый поэтом и не единожды им посещаемый. В родном его городе Тотьме имя Николая Рубцова присвоено районной библиотеке, а на берегу реки Сухоны недавно разбит парк в честь поэта и бескорыстными стараниями талантливого скульптора Вячеслава Михайловича Клыкова, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР, воздвигнут памятник.

Народ помнит, чтит и бережет дорогое сердцу имя.

При жизни Николай Рубцов издал только четыре тоненьких книжечки общим тиражом сорок три тысячи. После его смерти вышло около двадцати изданий, тираж давно перевалил за пять миллионов, и снова ощущается недостаток в этих книгах: на прилавках магазинов их словно и не бывало.

Светлое имя Рубцова все чаще встречается в титрах серьезных кинофильмов, где исполняются песни на его стихи. Новые и новые композиторы пытаются проникнуть в такую вроде бы доступную, а на деле далеко не простую мелодику рубцовских шедевров.

Уже сегодня можно с уверенностью сказать, что имя это прочно вошло в народное сознание. Поэтому утвердившийся интерес к поэзии Николая Рубцова будет требовать более глубоких прочтений известных текстов; и конечно же, с особым вниманием встречать доселе не обнародованные. Чаще всего это ранние произведения. И пусть в них порой нет отграниченности и строгой законченности поздних творений, — в них всегда присутствуют обаяние неповторимой личности, жизнелюбие молодости, чистота и свет истинно русского таланта.